

**ӘЛЕУМЕТТАНУДЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ
TOPICAL ISSUES OF SOCIOLOGY**

МРНТИ 04.21.21

DOI: <https://doi.org/10.51889/2959-6270.2026.95.3.001>

Абсаттаров Р.Б.^{1*} , Ким Г.Н.²

¹ *Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Алматы, Казахстан*

² *Казахский национальный университет имени аль-Фараби
Алматы, Казахстан*

*e-mail: Absat.41@mail.ru

**К ВОПРОСУ О МНОГООБРАЗИИ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ СОВРЕМЕННЫХ
ЭТНИЧЕСКИХ ДИАСПОР**

Аннотация

Многообразие идентичностей современных этнических диаспор требует анализа, который не сводит принадлежность человека к одной устойчивой характеристике. Цель статьи - выявить основные уровни, факторы и механизмы формирования множественной диаспорной идентичности, а также определить условия согласования этнической, гражданской, диаспорной и цифровой принадлежности. Научно-практическая значимость исследования состоит в уточнении понятийного аппарата диаспорологии и в разработке выводов, применимых к политике межэтнической интеграции. Методологическую основу составили конструктивистский, транснациональный, институциональный и процессуальный подходы. Проведен интегративный анализ 50 теоретических и эмпирических работ, опубликованных в 1983-2026 годах; особое внимание уделено исследованиям последних лет о цифровых диаспорах, межпоколенческой передаче памяти и транснациональной мобильности. Установлено, что множественная идентичность представляет собой не механическую сумму ролей, а динамическую конфигурацию принадлежностей. Ее конкретная форма зависит от миграционной траектории, правового статуса, языка, институциональной среды, поколенческой позиции, связей с исторической родиной и архитектуры цифровых платформ. Предложена четырехуровневая модель, объединяющая этническую, гражданскую, диаспорную и цифровую идентичности. Показано, что эти уровни способны взаимно усиливаться, но при политизации границ «свои - чужие» могут вступать в конфликт. Практический вывод заключается в необходимости поддерживать гражданское равноправие, культурное воспроизводство, межпоколенческий диалог и медиаграмотность одновременно. Такой подход позволяет рассматривать этнокультурное разнообразие не как препятствие интеграции, а как ресурс устойчивого общества.

Ключевые слова: этническая диаспора, множественная идентичность, гражданская идентичность, транснационализм, гибридность, цифровая диаспора, этнополитика.

Р.Б. Абсаттаров^{1*}, Г.Н. Ким²

¹Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан

²Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті

Алматы, Қазақстан

*e-mail: Absat.41@mail.ru

ҚАЗІРГІ ЭТНИКАЛЫҚ ДИАСПОРАЛАР БІРЕГЕЙЛІКТЕРІНІҢ КӨПТҮРЛІЛІГІ МӘСЕЛЕСІНЕ ҚАТЫСТЫ

Аңдатпа

Қазіргі этникалық диаспоралар бірегейлігінің әралуандығы адамның тиесілігін бір ғана өзгермейтін белгімен шектемейтін талдауды қажет етеді. Мақаланың мақсаты - көптік диаспоралық бірегейліктің деңгейлерін, факторлары мен тетіктерін айқындау және этникалық, азаматтық, диаспоралық, цифрлық тиесіліктің үйлесу шарттарын анықтау. Зерттеудің ғылыми-практикалық маңызы диаспорология ұғымдарын нақтылау және этносаралық кірігу саясатына қолданбалы қорытынды ұсыну болып табылады. Әдіснамалық негіз ретінде конструктивистік, трансұлттық, институционалдық және үдерістік тәсілдер алынды. 1983-2026 жылдары жарық көрген 50 теориялық және эмпирикалық еңбек интегративті тәсілмен талданды; цифрлық диаспора, ұрпақаралық жад және трансұлттық мобильдікке ерекше назар аударылды. Нәтижелер көптік бірегейліктің рөлдер жиынтығы емес, өзара байланысқан тиесіліктердің серпінді конфигурациясы екенін көрсетті. Оның түрі көпші-қон траекториясына, құқықтық мәртебеге, тілге, институттарға, ұрпаққа, тарихи отанмен байланысқа және платформалар архитектурасына тәуелді. Этникалық, азаматтық, диаспоралық және цифрлық-желілік бірегейлікті біріктіретін төрт деңгейлі модель ұсынылды. Зерттеудің жаңалығы классикалық диаспора теориясын цифрлық коммуникация зерттеулерімен байланыстырудан көрінеді. Бұл деңгейлер бірін-бірі күшейте алады, бірақ «өзіміз - өзгелер» шекарасы саясиленсе, қайшылыққа түсуі мүмкін. Практикалық тұрғыдан азаматтық теңдікті, мәдени сабақтастықты, ұрпақаралық сұхбатты және медиасауаттылықты қатар қолдау қажет. Мұндай тәсіл этномәдени әралуандықты интеграцияға кедергі емес, орнықты қоғамның ресурсы ретінде пайымдауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: этникалық диаспора, көптік бірегейлік, азаматтық бірегейлік, трансұлттылық, гибридтілік, цифрлық диаспора, этносаясат.

R.B. Absattarov^{1*}, G.N. Kim²

¹Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan

²Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

*e-mail: Absat.41@mail.ru

ON THE QUESTION OF THE DIVERSITY OF IDENTITIES OF MODERN ETHNIC DIASPORAS

Abstract

Purpose. The article identifies the principal levels, determinants, and mechanisms of multiple diasporic identity and specifies the conditions under which ethnic, civic, diasporic, and digital belongings can be reconciled. Design/methodology/approach. The study combines constructivist, transnational, institutional, and process-oriented perspectives. It uses an integrative qualitative review of 50 theoretical and empirical works published between 1983 and 2026, with particular attention to recent studies of digital diasporas, intergenerational memory, and transnational mobility. Findings. Multiple identity is not a mechanical collection of roles but a dynamic configuration of interdependent belongings. Its concrete form varies with migration trajectory, legal status, language, institutional environment, generation, relations with the historical homeland, and the affordances of digital

platforms. The article proposes a four-level model encompassing ethnic, civic, diasporic, and digital-networked identity. These levels may reinforce one another; however, they may also conflict when boundaries between “us” and “them” become politically instrumentalized. Originality/value. The proposed model links classical diaspora theory with research on digital communication and explains identity through situational activation, negotiation, and institutional recognition rather than through a choice between assimilation and cultural isolation. The practical implication is that equal citizenship, cultural reproduction, intergenerational dialogue, and media literacy should be supported simultaneously. This approach treats ethnocultural diversity as a resource for social resilience and offers a framework for examining the balance between common civic belonging and the preservation of cultural distinctiveness in Kazakhstan and other multiethnic societies.

Keywords: ethnic diaspora, multiple identity, civic identity, transnationalism, hybridity, digital diaspora, ethnopolitics.

Введение

В современной диаспорологии утвердилось представление о том, что идентичность человека, живущего между несколькими культурными и политическими пространствами, редко бывает единственной и неизменной. Представитель диаспоры может одновременно соотносить себя с этнической общностью, государством гражданства, регионом проживания, религией, профессиональной средой, исторической родиной и транснациональной сетью. Эти принадлежности не располагаются в жесткой иерархии. Их значимость меняется в зависимости от ситуации, жизненного этапа, институционального контекста и характера публичного взаимодействия. Классические теории национального сообщества показали, что коллективная принадлежность поддерживается не только непосредственными контактами, но и общими образами истории, языка и политического будущего (Anderson, 1983). Конструктивистская перспектива перенесла внимание с предполагаемой неизменности этнических признаков на процессы их интерпретации и воспроизводства. Hall (1990) рассматривал культурную идентичность как позиционирование, формирующееся внутри исторических репрезентаций, а Bhabha (1994) описал «третье пространство», в котором культурные значения переводятся и переопределяются. Эти положения особенно важны для анализа диаспор, поскольку их повседневность строится на постоянном соотнесении опыта происхождения и опыта проживания.

Транснациональный подход дополнил эту картину. Мигрант не обязательно последовательно покидает одну социальную систему и полностью включается в другую. Он может участвовать в нескольких социальных полях одновременно, поддерживать семейные, экономические, символические и политические связи через государственные границы (Glick Schiller et al., 1992; Levitt & Glick Schiller, 2004). Диаспора при таком понимании является не просто населением, рассеянным за пределами территории происхождения, а устойчивой формой отношений, памяти и самоорганизации.

Цифровизация сделала эту одновременность повседневной. Социальные сети, мессенджеры и видеоплатформы позволяют поддерживать контакт с родственниками, участвовать в памятных практиках, изучать язык, следить за событиями на исторической родине и формировать новые сообщества без постоянного физического соприсутствия. Однако цифровая среда не является нейтральным каналом. Алгоритмы видимости, правила модерации и коммерческая логика платформ влияют на то, какие версии коллективной идентичности получают распространение (Candidatu & Ponzanesi, 2022; Oltmann & Espinoza-Vasquez, 2024).

Проблема исследования заключается в том, что понятия «двойственная», «гибридная», «множественная», «смешанная», «транснациональная» и «цифровая» идентичность нередко используются как взаимозаменяемые. Из-за этого размывается различие между уровнями принадлежности, механизмами их формирования и формами публичного проявления. Кроме того, множественность иногда заранее трактуется либо как свидетельство успешной интеграции,

либо как признак расколотой лояльности. Обе трактовки чрезмерно упрощают эмпирическую реальность.

Предметом исследования выступает не отдельная этническая группа, а логика взаимодействия нескольких принадлежностей в диаспорном опыте. В центре анализа находятся три вопроса: какие уровни идентичности следует различать; какие социальные условия и механизмы изменяют их соотношение; при каких институциональных обстоятельствах множественность поддерживает гражданскую интеграцию либо порождает конфликт лояльностей. Такая постановка позволяет сопоставлять исследования разных диаспор, не стирая различия между их историческими и политическими контекстами.

Цель статьи - выявить уровни, детерминанты и механизмы формирования множественной идентичности современных этнических диаспор и определить условия ее согласования в полиэтническом обществе. Для достижения цели решаются четыре задачи: уточнить соотношение основных понятий; систематизировать факторы формирования идентичности; раскрыть механизмы ее ситуативной активации и институционального закрепления; определить значение полученных выводов для этнополитики Казахстана. Рабочая гипотеза состоит в том, что множественная идентичность является не переходным отклонением от «единой» принадлежности, а нормальной процессуальной формой существования современной диаспоры. Ее интегративный либо конфликтный характер зависит прежде всего от институциональных условий признания и равноправного участия.

Обзор научной литературы

Исследования диаспоры развивались от описания исторически сложившихся рассеянных сообществ к анализу процессов, посредством которых группы создают и поддерживают трансграничную солидарность. Clifford (1994) обратил внимание на маршруты, перемещения и незавершенность диаспорного опыта, а Cohen (2008) предложил сравнительную типологию диаспор. Brubaker (2005) предостерег от превращения диаспоры в заранее данную и внутренне однородную сущность: понятие продуктивнее использовать как категорию практики, позицию и притязание. Аналогичную процессуальную логику в российской традиции развивал Арутюнов (2000), подчеркивая, что диаспора не только существует, но и постоянно производится социальными связями и институтами. Авдашкин (2015) обосновал сочетание конструктивистского, антропоцентрического и институционального принципов при исследовании диаспорных сообществ.

Теория идентичности дает основания различать чувство непрерывности личности и социальные условия признания. Erikson (1959) связывал идентичность с согласованием индивидуальной биографии и общественных ожиданий. Mead (1910) показал, что представление о себе формируется во взаимодействии и через принятие позиции другого. В позднем модерне рефлексивный проект личности становится зависимым от постоянно пересматриваемой биографической истории (Giddens, 1991), а глобализация усиливает подвижность границ принадлежности (Bauman, 2001). Эти идеи объясняют, почему диаспорная идентичность сохраняет память о происхождении, но не воспроизводит ее в неизменном виде.

Понятие гибридности описывает не простое смешение культурных элементов, а возникновение новых способов самоописания. Bhabha (1994) и Kalra et al. (2005) показали, что постколониальный и миграционный опыт формирует пространства перевода, в которых невозможно провести окончательную границу между «исходной» и «принимающей» культурами. Вместе с тем Mitchell (1997) справедливо указывала, что риторика гибридности может скрывать неравенство власти и различия между диаспорами. Эмпирические исследования подтверждают, что гибридная идентичность зависит от класса, пола, поколения и институционального положения, а потому не является универсально гармоничной (Chen et al., 2021; Smith & Leavy, 2008).

Аккультурационные модели раскрывают варианты связи культурного сохранения и участия в принимающем обществе. Berry (1997) различал интеграцию, ассимиляцию, сепарацию и маргинализацию, исходя из двух измерений: сохранения культурного наследия и включения в

более широкое общество. Для анализа диаспоры особенно важна интеграция, при которой этнокультурная принадлежность совместима с гражданским участием. Однако такие стратегии нельзя объяснить только личным выбором. Правовой статус, дискриминация, доступ к образованию и рынку труда, а также общественное признание задают реальные пределы выбора.

Транснациональная перспектива показала устойчивость многолокальных отношений. Glick Schiller et al. (1992) описали формирование социальных пространств, связывающих страны происхождения и проживания. Levitt и Glick Schiller (2004) ввели понятие одновременности, позволяющее анализировать присутствие мигранта в нескольких институциональных и символических контекстах. Vertovec (2009) систематизировал транснационализм как совокупность социальных морфологий, типов сознания, культурного воспроизводства и политического участия. Новая концепция *superdiversity* подчеркивает, что этничность пересекается с правовым статусом, миграционным каналом, языком, поколением и социальным положением (Vertovec, 2023).

Межпоколенческие исследования демонстрируют, что идентичность второго и последующих поколений не является ослабленной копией идентичности мигрантов. Молодые люди заново интерпретируют происхождение через образование, дружеские сети, профессиональный опыт и публичные дискурсы. Исследования турецкой диаспоры в Германии, южноазиатских сообществ и эфиопских американцев показывают разнообразие «дефисных» идентичностей и неодинаковую роль исторической родины (Oldac & Fancourt, 2021; Ullah, 2025; Kebede, 2026). Wayessa (2024) показывает, что образ родины формируется не только памятью, но и текущей политикой, тогда как Pun et al. (2025) связывают сохранение идентичности с медиапотреблением, сетями и ностальгией.

Отдельное направление составляет изучение цифровых диаспор. Diminescu (2008) предложила фигуру «связанного мигранта», а Brinkerhoff (2009) показала, что цифровая коммуникация поддерживает идентичность, организацию и участие. Ponzanesi (2020) связала цифровую диаспору с постколониальностью, медиа и аффектом. Более поздние работы рассматривают цифровую миграцию как часть повседневной жизни, а не как отдельную виртуальную сферу (Ponzanesi & Leurs, 2022; Leurs, 2023). Исследования корейских мигрантов, латиноамериканских сообществ и женщин-мигрантов показывают, что онлайн-сети не просто транслируют готовую идентичность, а участвуют в ее производстве (Chen et al., 2021; Oltmann & Espinoza-Vasquez, 2024; Park & Gerrits, 2021).

Цифровая коммуникация имеет двойственный эффект. Она облегчает коллективную мобилизацию и сохранение памяти, что убедительно показано на материале рохинджа (Ansar & Khaled, 2023; Ansar & Maitra, 2024). Одновременно платформенная логика может усиливать моральную панику, поляризацию и конкурирующие версии прошлого (Walsh & Hill, 2023). Современные синтезы связывают социальные медиа с расширением агентности, но также с рисками исключения, дезинформации и алгоритмического контроля (Aizencang-Kane, 2024; Kianpour et al., 2026). Цифровое пространство при этом требует самостоятельной методологической и этической рефлексии (Channoufi, 2026; Makrygianni et al., 2022). Следовательно, множественную идентичность необходимо изучать на пересечении офлайн-институтов и цифровых сетей.

Для постсоветских корейцев вопрос множественной принадлежности имеет особую историческую глубину. Исследования показывают взаимодействие советского опыта, гражданских идентичностей независимых государств, этнической памяти и связей с Республикой Корея (Kim, 2012). В Кыргызстане поколенческие изменения формируют «диаспорное состояние», не сводимое к одной территории (Fumagalli, 2021), а повторная миграция в Южную Корею создает новую конфигурацию исторической родины, экономической мобильности и повседневной адаптации (Lee, 2023). Русскоязычные цифровые площадки мигрантов в Корее дополнительно участвуют в формировании миграционных представлений и стратегий (Тимошкин и др., 2023). Эти наблюдения значимы и для Казахстана, где этнокультурные различия включены в общую гражданскую и институциональную рамку. В

более широком российском контексте связь диаспорных институтов с консолидацией полиэтнического общества отмечают Бедрик и Войтенко (2024).

Методология исследования

Исследование выполнено в формате интегративного качественного обзора. Такой дизайн выбран потому, что задача статьи состоит не в измерении распространенности конкретной формы идентичности, а в сопоставлении теоретических объяснений и эмпирически выявленных механизмов. Интегративный обзор позволяет объединить классические концептуальные работы, сравнительные исследования, кейс-стади и современные исследования цифровой коммуникации. Он не претендует на исчерпывающий систематический обзор всей мировой литературы, но обеспечивает прозрачную тематическую выборку, достаточную для построения аналитической модели.

Корпус включает 50 источников, опубликованных в 1983-2026 годах. В него вошли основополагающие труды по идентичности, диаспоре, аккультурации, гибридности и транснационализму, а также публикации 2021-2026 годов о цифровых платформах, межпоколенческой динамике и конкретных диаспорных сообществах. При отборе использовались четыре критерия: непосредственная связь с этнической или диаспорной идентичностью; наличие теоретического положения либо описанного эмпирического материала; возможность соотнести выводы с одним из исследуемых механизмов; библиографическая прослеживаемость публикации. Работы, в которых термин «идентичность» употреблялся без анализа принадлежности, а также публицистические тексты без исследовательской процедуры в основной корпус не включались.

Временная структура корпуса была выстроена так, чтобы совместить концептуальную преемственность и актуальность материала. Классические работы использовались для определения исходных категорий, тогда как 27 публикаций 2021-2026 годов, составляющих 54 % списка, позволили проверить, как эти категории действуют в условиях платформенной коммуникации, повторной миграции и поколенческого изменения. Единицей отбора являлась публикация, а единицей содержательного анализа - завершенное авторское суждение о принадлежности, ее условия, механизме или последствии. Такое разграничение исключало искусственное увеличение числа наблюдений за счет повторения одного тезиса внутри одной работы.

Для каждого источника формировалась аналитическая запись по единой схеме: тип публикации и исследовательский дизайн; страна и диаспорное сообщество; поколение или миграционная позиция участников; рассматриваемый уровень идентичности; институциональный контекст; роль языка, памяти и цифровой среды; описанный интегративный или конфликтный результат. Если работа носила теоретический характер, вместо выборки фиксировались базовые понятия, причинная логика и границы применимости аргумента. Такая матрица обеспечила сопоставимость разнородных материалов без приравнивания философского понятия к эмпирическому показателю.

Обработка материала сочетала направленное и открытое кодирование. Исходные коды задавались исследовательскими вопросами и включали этническую, гражданскую, диаспорную и цифрово-сетевую принадлежность. Новые коды вводились, когда в источниках устойчиво повторялись не охваченные исходной схемой темы, в частности поколенческий разрыв, алгоритмическая видимость, конкуренция представителей сообщества и повторная миграция. Затем близкие коды объединялись в категории факторов и механизмов. На заключительном цикле анализировались не только совпадающие выводы, но и отрицательные случаи, в которых одинаковый фактор приводил к различным последствиям. Именно это позволило отказаться от линейной модели, предполагающей, что транснациональная связь всегда усиливает солидарность, а цифровое участие автоматически расширяет интеграцию.

Анализ проводился в три этапа. На первом этапе были разведены ключевые понятия. Под этнической идентичностью понимается осознанная и переживаемая связь с группой происхождения, ее историей, культурными кодами и символическими границами. Гражданская

идентичность означает принадлежность к политическому сообществу государства, признание общих институтов, прав и обязанностей. Диаспорная идентичность обозначает самопонимание, возникающее из опыта рассеяния, сохранения групповых связей и соотнесения страны проживания с исторической родиной. Цифрово-сетевая идентичность относится к способам репрезентации и согласования принадлежностей в платформенно опосредованной коммуникации.

На втором этапе применялось тематическое кодирование. Единицей анализа служило положение автора о факторе, механизме, форме проявления или последствии множественной идентичности. Выделены восемь групп факторов: историко-миграционные, политико-правовые, социально-экономические, этнокультурные, языковые, поколенческие, институциональные и цифрово-медийные. Механизмы были сгруппированы как социализация, символическое разграничение, память, институциональное признание, транснациональная связь, ситуативная активация, переговоры о принадлежности и публичная репрезентация.

На третьем этапе проводилось сравнительное объяснение. Сопоставлялись классические и новые диаспоры, первое и последующие поколения, офлайн-организации и цифровые сети, а также интегративные и конфликтные сценарии. Конструктивистский подход использовался для анализа производства границ и значений; транснациональный - для изучения связей через границы; институциональный - для выявления роли государства, объединений, школ, медиа и платформ; процессуальный - для объяснения изменений во времени. Такая комбинация снижает риск технологического или культурного детерминизма.

Результатом синтеза стала не статистическая оценка частоты отдельных признаков, а объяснительная типология. Количественные показатели из первичных исследований не объединялись, поскольку выборки, шкалы и контексты были несопоставимы. Вместо этого прослеживалась повторяемость связей между условием, механизмом и результатом. Связь включалась в итоговую модель, если ее можно было содержательно объяснить и сопоставить как минимум в двух различных контекстах либо обосновать классической теорией и подтвердить современным эмпирическим исследованием. Единичные наблюдения сохранялись как иллюстрации, но не использовались для общего вывода. Такая процедура отделяет типологическое обобщение от утверждения о распространенности явления.

Для обеспечения аналитической надежности понятия, факторы и механизмы проверялись на внутреннюю согласованность. Вывод считался устойчивым, если он подтверждался работами разных теоретических направлений либо исследованиями различных диаспор. Отдельно фиксировались противоречия: например, цифровая связь может одновременно укреплять солидарность и усиливать поляризацию; этнокультурные организации способны поддерживать интеграцию, но при закрытости - воспроизводить дистанцию. Ограничение метода состоит в неоднородности источников и преобладании англоязычных исследований. Поэтому предложенная модель является аналитической рамкой, требующей последующей эмпирической проверки на материалах конкретных диаспор Казахстана.

Результаты исследования

Проведенный анализ подтвердил рабочую гипотезу: множественная идентичность является закономерной формой существования современной диаспоры. Ее нельзя описать ни как временную остановку на пути к ассимиляции, ни как простое сохранение культуры происхождения. Она складывается из нескольких взаимозависимых уровней, каждый из которых имеет собственный объект лояльности, институциональную опору и способ проявления.

Первый уровень – этническая идентичность. Она формируется через представления о происхождении, языке, коллективной памяти, культурных нормах и символах. Ее устойчивость не означает неизменности. Содержание этничности пересматривается в новой языковой среде, межэтнических семьях, образовательных институтах и повседневных контактах. Даже когда язык предков используется реже, принадлежность может сохраняться через семейную память, кухню, праздники, религиозные практики или общественные организации. Напротив,

формальное знание культурных признаков не всегда сопровождается сильной эмоциональной идентификацией.

Второй уровень - гражданская идентичность, связанная с государством проживания. Ее основой выступают не только паспорт и юридический статус, но и опыт равенства перед законом, доступ к образованию, труду и публичному участию. Если гражданская принадлежность подтверждается повседневным взаимодействием с институтами, она не вытесняет этничность, а создает общую рамку для ее легитимного выражения. При дискриминации или подозрении в «неполной лояльности» возникает обратный эффект: этническая и диаспорная принадлежности приобретают защитную функцию.

Третий уровень - собственно диаспорная идентичность. Она отличается и от этничности исторической родины, и от гражданской идентичности страны проживания. Диаспорное «мы» формируется вокруг общего опыта переселения, адаптации, памяти о разрыве и созданных за пределами родины институтов. Поэтому представители одного этноса в разных государствах могут иметь существенно разные диаспорные идентичности. Коре сарам Казахстана, Узбекистана, России и Южной Кореи связаны происхождением, но их языковые практики, гражданский опыт и общественные институты развивались неодинаково (Fumagalli, 2021; Kim, 2012; Lee, 2023).

Четвертый уровень - цифрово-сетевая идентичность. Она не образует полностью самостоятельную «виртуальную личность», а перестраивает способы выражения предыдущих уровней. Платформы дают возможность выбирать аудиторию, язык и степень видимости, соединять локальные и транснациональные контакты, хранить цифровую память. Исследования показывают, что конфиденциальность, связанность, интерактивность, творческие средства, распространяемость и видимость платформ определяют формы диаспорного участия (Oltmann & Espinoza-Vasquez, 2024). Поэтому один человек может по-разному представлять себя в профессиональной сети, семейном мессенджере и публичном видеоканале, не испытывая обязательного противоречия между этими версиями.

Таблица 1

Систематизирует выявленные уровни и показывает, что множественность возникает из их взаимодействия.

Уровень идентичности	Основной объект принадлежности	Главные механизмы	Возможные риски
Этническая	Группа происхождения, язык, память, культура	Семейная социализация, ритуал, образование, символы	Эссенциализация, замыкание границ
Гражданская	Политическое сообщество государства проживания	Право, участие, равный доступ, публичное признание	Дискриминация, исключение, подозрение в нелояльности
Диаспорная	Сообщество, сложившееся в условиях рассеяния	Организации, память миграции, взаимопомощь, связь с родиной	Внутренняя фрагментация, политизация родины
Цифрово-сетевая	Транснациональные платформенные сообщества	Коммуникация, репрезентация, архивирование, мобилизация	Дезинформация, поляризация, цифровое неравенство

Примечание: составлено авторами по результатам интегративного анализа.

Важнейший результат состоит в разграничении факторов и механизмов. Факторы создают условия, в которых формируется идентичность, тогда как механизмы объясняют, как именно принадлежность производится и проявляется. Например, миграционная история является фактором, а семейный рассказ о переселении - механизмом передачи памяти. Государственная политика выступает фактором, а процедура признания языка, объединения или культурного мероприятия - механизмом институционализации. Цифровая инфраструктура является фактором, а выбор языка публикации, хештега или аудитории - механизмом репрезентации.

Историко-миграционные факторы определяют исходную конфигурацию. Добровольная трудовая миграция, депортация, изменение государственных границ и повторное переселение создают разные отношения к исторической родине. Вынужденное перемещение чаще связывает идентичность с травматической памятью и моральным требованием признания. Экономическая миграция может усиливать инструментальные сети взаимопомощи, которые со временем приобретают культурное содержание. Повторная миграция в историческую родину показывает, что этническая близость не отменяет различий гражданской социализации и повседневных привычек (Lee, 2023).

Политико-правовые и институциональные факторы определяют пространство допустимого выражения. Государство задает правила гражданства, участия, образования и культурной самоорганизации. Диаспорные объединения переводят индивидуальное чувство принадлежности в устойчивые практики: создают школы, культурные центры, медиа, профессиональные и благотворительные сети. Однако ни государство, ни организация не обладают полной монополией на самоопределение. Brubaker (2005) справедливо предлагает видеть в диаспоре также категорию и притязание: от имени сообщества могут говорить разные акторы, конкурируя за право представлять его интересы.

Поколенческая позиция влияет на язык и форму принадлежности. Первое поколение чаще связывает родину с биографическим опытом, а последующие - с семейной памятью, медиаобразами и периодическими поездками. Это не означает линейного ослабления идентичности. Второе поколение способно активнее использовать символические и публичные формы этничности, чем родители, особенно если происхождение становится предметом признания или дискриминации. Примеры южноазиатских, эфиопских, турецких и корейско-американских сообществ показывают, что «дефисная» идентичность может быть устойчивым способом согласования культурной агентности и гражданской принадлежности (Ahmed & Jaipal-Jamani, 2026; Kebede, 2026; Kim, 2026; Ullah, 2025).

Цифровые платформы усиливают ситуативную активацию идентичности. Их значение заключается не только в скорости коммуникации. Они меняют структуру авторитета: заметным представителем сообщества может стать блогер, администратор группы или цифровой активист, не занимающий должности в официальной организации. Платформы расширяют участие, но одновременно делают коммуникацию зависимой от алгоритмов и правил частных компаний. Тематические исследования показывают как мобилизационный потенциал цифровой диаспоры (Ansar & Khaled, 2023; Ansar & Maitra, 2024), так и риск усиления враждебных рамок вокруг миграции (Walsh & Hill, 2023). На основании анализа выделены три сценария взаимодействия принадлежностей. Интегративный сценарий возникает, когда этническое достоинство признано, гражданские права обеспечены, а связь с исторической родиной не противопоставляется лояльности стране проживания. Ситуативно-напряженный сценарий характеризуется периодическими конфликтами, вызванными внешнеполитическими кризисами, дискриминацией или конкурирующими требованиями. Конфликтный сценарий складывается, когда политические акторы превращают происхождение в основание исключения либо требуют отказаться от одной принадлежности ради другой. Переход между сценариями возможен, поэтому множественную идентичность следует оценивать не как фиксированное состояние, а как процесс.

Обсуждение

Полученные результаты уточняют распространенное представление о гибридности. Если понимать ее только как смешение культурных элементов, анализ остается описательным. Предложенная четырехуровневая модель показывает институциональную сторону процесса: этническая, гражданская, диаспорная и цифрово-сетевая идентичности различаются объектами принадлежности и каналами признания. Их единство обеспечивается биографией человека, но конкретное соотношение зависит от контекста. Такая трактовка согласуется с конструктивистским пониманием идентичности и транснациональной концепцией одновременности (Hall, 1990; Levitt & Glick Schiller, 2004).

Гипотеза о нормальности множественной идентичности получила подтверждение на уровне теоретического синтеза. Ни классические, ни новые диаспоры не существуют в рамках единственной культурной лояльности. Даже сильная связь с исторической родиной сочетается с локальными институтами, гражданским опытом и поколенческими различиями. При этом множественность сама по себе не гарантирует гармонии. Mitchell (1997) предупреждала, что язык гибридности может скрывать асимметрии власти. Наш анализ подтверждает: решающее значение имеют условия, в которых принадлежности получают или не получают признание.

Отсюда следует важное различие между культурной множественностью и политической фрагментацией. Наличие нескольких культурных ориентиров не означает слабости гражданской связи. Напротив, гражданская идентичность может стать общей институциональной рамкой, внутри которой этнические и диаспорные принадлежности выражаются без угрозы исключения. Конфликт возникает тогда, когда государственные или общественные дискурсы задают иерархию «правильных» и «подозрительных» лояльностей, а внешнеполитические события автоматически переносятся на граждан определенного происхождения.

Казахстанский контекст позволяет конкретизировать этот вывод. История страны сформировала полиэтническое население с различными траекториями переселения, депортации, укоренения и культурного воспроизводства. В этих условиях устойчивость общего политического сообщества зависит от равного гражданского статуса, доверия к институтам и возможности сохранять культурную специфику. Этнокультурные объединения способны выполнять посредническую функцию между семьями, государством и транснациональными сетями. Их интегративный потенциал усиливается, когда деятельность открыта для межкультурного взаимодействия и не сводится к символическому фольклору.

Предложенная модель не поддерживает представление об этнической идентичности как всегда первичной и неизменной. Для одних людей происхождение действительно является центральной рамкой биографии; для других на первый план выходят гражданская, профессиональная, религиозная или локальная принадлежности. Аналитически корректнее говорить не о раз и навсегда установленной иерархии, а о ситуативной активации. Эта позиция соответствует современным исследованиям *superdiversity*, подчеркивающим пересечение этничности с правовым статусом, языком, поколением и социальным положением (Vertovec, 2023). Цифровой поворот усиливает эту изменчивость, но не отменяет офлайн-институты. Работы Leurs (2022, 2023), Ponzanesi и Leurs (2022), а также Leurs и Seuferling (2022) показывают, что медиатизированная мобильность имеет собственную историю и инфраструктуру. Культурный центр может организовать очное мероприятие, продвигать его через социальные сети, транслировать онлайн и сохранять запись в цифровом архиве. Это единый цикл воспроизводства идентичности, а не разделение на «реальное» и «виртуальное» сообщества.

Вместе с возможностями возникают новые неравенства. Доступ к устройствам, цифровая грамотность, возраст, язык и алгоритмическая видимость распределены неравномерно. Публичный образ диаспоры может определяться наиболее активными пользователями, тогда как менее заметные группы остаются не представленными. Кроме того, транснациональная коммуникация способна переносить политические конфликты исторической родины в общество проживания. Исследования цифровой мобилизации и коллективной памяти фиксируют одновременно расширение агентности и рост поляризации (Aizencang-Kane, 2024; Kianpour et al., 2026).

Практически это означает необходимость четырех взаимосвязанных направлений политики. Первое - защита равноправного гражданства и последовательное противодействие дискриминации. Второе - поддержка языковой и культурной передачи между поколениями, включая образовательные и архивные проекты. Третье - развитие открытых форм участия диаспорных организаций в общественной жизни. Четвертое - повышение медиаграмотности и прозрачности цифровой коммуникации, особенно при распространении исторически и политически чувствительного содержания. Изолированная культурная поддержка без гражданского равенства недостаточна; столь же недостаточна формальная правовая интеграция, если культурное достоинство не получает общественного признания.

Реализация этих направлений требует наблюдаемых критериев, а не только деклараций. Для оценки гражданской интеграции могут учитываться доступ к публичным институтам, участие в местных инициативах и восприятие равенства процедур. Межпоколенческая передача раскрывается через языковые практики семьи, участие молодежи в культурных проектах и использование цифровых архивов. Открытость диаспорных организаций определяется составом участников, партнерствами с другими объединениями и прозрачностью представительства. Медиаграмотность следует оценивать по способности различать подтвержденную информацию, политически мотивированную интерпретацию и манипулятивный контент. Такая система показателей переводит предложенную модель из общего нормативного тезиса в программу последующего эмпирического исследования.

Научная ценность исследования состоит в соединении трех ранее разобщенных линий: классической теории диаспоры, исследований множественной идентичности и анализа платформенно опосредованной коммуникации. Модель позволяет формулировать проверяемые вопросы для последующей эмпирической работы: какие уровни идентичности становятся центральными в разных поколениях; как доверие к государственным институтам связано с гражданской принадлежностью; каким образом платформы меняют авторитет диаспорных организаций; при каких условиях транснациональная связь усиливает интеграцию, а при каких - конфликт.

Ограничения исследования связаны с обзорным дизайном и неоднородностью источников. Рассмотренные кейсы принадлежат разным политическим и культурным контекстам, поэтому их нельзя механически переносить на Казахстан. Кроме того, англоязычная литература лучше представлена в международных базах, чем исследования на казахском и русском языках. Дальнейшая работа должна включать интервью, фокус-группы, анализ цифровых сообществ и сравнительное исследование нескольких диаспор страны с учетом поколения, языка, региона и социального положения.

Заключение

Многообразие идентичностей современных этнических диаспор является не периферийным явлением и не временной стадией ассимиляции, а устойчивой характеристикой общества мобильности и транснациональных связей. Интегративный анализ показал, что этническая, гражданская, диаспорная и цифрово-сетевая идентичности образуют динамическую конфигурацию. Их соотношение меняется под влиянием миграционной истории, правового статуса, языка, поколения, институционального признания, связей с исторической родиной и цифровой инфраструктуры.

Научный результат исследования заключается в разграничении уровней, факторов и механизмов множественной идентичности. Факторы задают условия, а механизмы - способы воспроизводства принадлежности через социализацию, память, символические границы, участие, признание и публичную репрезентацию. Предложенная четырехуровневая модель позволяет уйти от упрощенного выбора между ассимиляцией и культурной изоляцией и анализировать конкретные сценарии согласования либо конфликта лояльностей.

Для Казахстана практическое значение имеет вывод о совместимости общей гражданской идентичности и этнокультурного разнообразия. Такая совместимость требует не

декларативного, а институционально подтверждаемого равноправия, открытых каналов участия, поддержки межпоколенческой культурной передачи и ответственной цифровой коммуникации. Перспективным направлением является эмпирическая проверка модели на материалах диаспор Казахстана с сопоставлением возрастных групп, языковых практик, регионов проживания и моделей онлайн-участия. Это позволит определить, какие условия превращают множественную принадлежность в ресурс общественного доверия и устойчивости.

В научном плане рекомендуется проверять модель отдельно по каждому уровню идентичности и затем анализировать их взаимодействие. В практическом плане государственным и общественным институтам целесообразно сочетать недискриминационные процедуры, поддержку культурных инициатив, межпоколенческие проекты и цифровую медиаграмотность. Эффективность таких мер должна оцениваться по участию, доверию и доступу к институтам, а не по формальному числу проведенных мероприятий.

Вклад авторов

Абсаттаров Р.Б. - концептуализация, методология, подготовка первоначального текста, научное руководство; Ким Г.Н. - исследование, работа с источниками, валидация, рецензирование и редактирование текста. Оба автора обсудили результаты и одобрили окончательную версию рукописи.

Литературы:

Ahmed, G., & Jaipal-Jamani, K. (2026). *South Asian immigrant women's cultural hybridization in Canada: A postcolonial feminist intersectional framework*. Journal of Ethnic and Cultural Studies, 13(4), 1-29. <https://doi.org/10.66815/ejecs/2633>

Aizencang-Kane, P. (2024). Digital diaspora: A new conceptual dimension. Revista Mexicana de Ciencias Políticas y Sociales, 69(252), 211-226. <https://doi.org/10.22201/fcpys.2448492xe.2024.252.88773>

Anderson, B. (1983). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. Verso.

Ansar, A., & Khaled, A. F. M. (2023). In search of a Rohingya digital diaspora: Virtual togetherness, collective identities and political mobilization. Humanities and Social Sciences Communications, 10, Article 61. <https://doi.org/10.1057/s41599-023-01553-w>

Ansar, A., & Maitra, J. (2024). Digital diaspora activism at the margins: Unfolding Rohingya diaspora interactions on Facebook (2017-2022). Social Media + Society, 10(1). <https://doi.org/10.1177/20563051241228603>

Арутюнов, С. А. (2000). Диаспора - это процесс. Этнографическое обозрение, (2), 74-78.

Авдашкин, А. А. (2015). Феномен диаспоры: методологические основы научного исследования. Вестник Челябинского государственного университета. История, 2(357), 130-137.

Bauman, Z. (2001). Identity in the globalising world. Social Anthropology, 9(2), 121-129. <https://doi.org/10.1017/S096402820100009X>

Бедрик, А. В., & Войтенко, В. П. (2024). Исторические диаспоры и консолидация полиэтнического социума Юга России. Гуманитарные и юридические исследования, 11(4), 639-643.

Berry, J. W. (1997). Immigration, acculturation, and adaptation. Applied Psychology, 46(1), 5-34. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x>

Bhabha, H. K. (1994). *The location of culture*. Routledge.

Brinkerhoff, J. M. (2009). *Digital diasporas: Identity and transnational engagement*. Cambridge University Press.

Brubaker, R. (2005). The "diaspora" diaspora. Ethnic and Racial Studies, 28(1), 1-19. <https://doi.org/10.1080/0141987042000289997>

Candidatu, L., & Ponzanesi, S. (2022). Digital diasporas: Staying with the trouble. Communication, Culture & Critique, 15(2), 261-268. <https://doi.org/10.1093/ccc/tcac010>

- Chen, Y., Tian, H., & Chang, J. (2021). Chinese first, woman second: Social media and the cultural identity of female immigrants. *Asian Journal of Women's Studies*, 27(1), 22-45. <https://doi.org/10.1080/12259276.2021.1873575>
- Channoufi, M. (2026). Performing identity online: A community on the digital frontier. *National Identities*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1080/14608944.2026.2646267>
- Clifford, J. (1994). *Diasporas*. *Cultural Anthropology*, 9(3), 302-338. <https://doi.org/10.1525/can.1994.9.3.02a00040>
- Cohen, R. (2008). *Global diasporas: An introduction* (2nd ed.). Routledge.
- Diminescu, D. (2008). The connected migrant: An epistemological manifesto. *Social Science Information*, 47(4), 565-579. <https://doi.org/10.1177/0539018408096447>
- Erikson, E. H. (1959). *Identity and the life cycle*. International Universities Press.
- Fumagalli, M. (2021). "Identity through difference": Liminal diasporism and generational change among the Koryo saram in Bishkek, Kyrgyzstan. *European Journal of Korean Studies*, 20(2), 37-72.
- Giddens, A. (1991). *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. Polity Press.
- Glick Schiller, N., Basch, L., & Blanc-Szanton, C. (1992). Towards a transnationalization of migration: Race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered. *The Annals of the New York Academy of Sciences*, 645(1), 1-24. <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.1992.tb33484.x>
- Hall, S. (1990). Cultural identity and diaspora. In J. Rutherford (Ed.), *Identity: Community, culture, difference* (pp. 222-237). Lawrence & Wishart.
- Kalra, V. S., Kaur, R., & Hutnyk, J. (2005). *Diaspora and hybridity*. SAGE.
- Kebede, K. (2026). Navigating hyphenated identities: Stages of identity formation among second-generation Ethiopian Americans. *Journal of Ethnic and Cultural Studies*, 13(4), 255-279. <https://doi.org/10.66815/ejecs/2805>
- Kianpour, M., Triandafyllidou, A., Allen, T., Mazrouei, S., & Shams, M. (2026). Social media narratives, diasporic identity and collective memory: A critical synthesis of the literature. *Ethnicities*, 26(1), 36-62. <https://doi.org/10.1177/14687968251386072>
- Kim, G. N. (2012). Minjok, jongjok, diaseuporai jaiuisik [National, ethnic, and diasporic self-awareness]. *Journal of Siberian Studies*, 16(1), 81-105. (In Korean)
- Kim, H. (2026). Culture and identity: Exploring agency and communion in the bicultural narratives of Korean American youth. *Journal of Ethnic and Cultural Studies*, 13(4), 431-451. <https://doi.org/10.66815/ejecs/2628>
- Lee, J. (2023). Why do diasporas re-emigrate to their historical "homelands"? A case study of Koryo Saram's "return" from post-Soviet Uzbekistan to South Korea. *Journal of the Asia-Japan Research Institute of Ritsumeikan University*, 5, 51-75.
- Leurs, K. (2022). Commentary: Digital diaspora as a travelling concept. *Journal of Global Diaspora & Media*, 3(1), 139-147. https://doi.org/10.1386/gdm_00029_1
- Leurs, K. (2023). *Digital migration*. SAGE.
- Leurs, K., & Seufferling, P. (2022). Migration and the deep time of media infrastructures. *Communication, Culture & Critique*, 15(2), 290-297. <https://doi.org/10.1093/ccc/tcac019>
- Levitt, P., & Glick Schiller, N. (2004). Conceptualizing simultaneity: A transnational social field perspective on society. *International Migration Review*, 38(3), 1002-1039. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00227.x>
- Makrygianni, V., Kamal, A., Rossi, L., & Galis, V. (2022). Migrant digital space: Building an incomplete map to navigate public online migration. In M. Sandberg, L. Rossi, V. Galis, & M. B. Jørgensen (Eds.), *Research methodologies and ethical challenges in digital migration studies* (pp. 25-51). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-030-81226-3_2
- Mead, G. H. (1910). Social consciousness and the consciousness of meaning. *Psychological Bulletin*, 7(12), 397-405. <https://doi.org/10.1037/h0074293>
- Mitchell, K. (1997). Different diasporas and the hype of hybridity. *Environment and Planning D: Society and Space*, 15(5), 533-553. <https://doi.org/10.1068/d150533>

- Oldac, Y. I., & Fancourt, N. (2021). "New Wave Turks": Turkish graduates of German universities and the Turkish diaspora in Germany. *British Journal of Educational Studies*, 69(5), 621-640. <https://doi.org/10.1080/00071005.2021.1935708>
- Oltmann, S. M., & Espinoza-Vasquez, F. (2024). How social media affordances mediate the digital diaspora: Latinx perspectives. *The International Journal of Information, Diversity, & Inclusion*, 8(2), 7-28. <https://doi.org/10.33137/ijidi.v8i2.42878>
- Park, S., & Gerrits, L. (2021). How migrants manifest their transnational identity through online social networks: Comparative findings from a case of Koreans in Germany. *Comparative Migration Studies*, 9, Article 10. <https://doi.org/10.1186/s40878-020-00218-w>
- Ponzanesi, S. (2020). Digital diasporas: Postcoloniality, media and affect. *Interventions*, 22(8), 977-993. <https://doi.org/10.1080/1369801X.2020.1718537>
- Ponzanesi, S., & Leurs, K. (2022). Digital migration practices and the everyday. *Communication, Culture & Critique*, 15(2), 103-121. <https://doi.org/10.1093/ccc/tcac016>
- Pun, B. L.-F., Ko, J., Fung, A. Y. H., & Leung, C. K. (2025). News, networks, and nostalgia: Examining the role of Hong Kong media and diaspora communities in identity preservation and integration. *International Journal of Intercultural Relations*, 108, 102254. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2025.102254>
- Smith, K. E. I., & Leavy, P. (Eds.). (2008). *Hybrid identities: Theoretical and empirical examinations*. Brill.
- Тимошкин, Д. О., Пчелкина, Д. С., Самарин, А. С., Хворостов, В. В., & Тамилин, Р. В. (2023). Социальные медиа как механизм формирования и воспроизводства миграционных стратегий: на примере цифровых площадок русскоязычных мигрантов в Корее. *Социологический журнал*, 29(2), 25-50. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.2.2>
- Ullah, A. A. K. M. (2025). Struggles for identity formation: Second-generation South Asian diaspora overseas. *South Asian Diaspora*, 17(2), 199-214. <https://doi.org/10.1080/19438192.2024.2328465>
- Vertovec, S. (2009). *Transnationalism*. Routledge.
- Vertovec, S. (2023). *Superdiversity: Migration and social complexity*. Routledge.
- Walsh, J. P., & Hill, D. (2023). Social media, migration and the platformization of moral panic: Evidence from Canada. *Convergence*, 29(3), 690-712. <https://doi.org/10.1177/13548565221137002>
- Wayessa, B. (2024). Homeland politics, imagined homeland, and the formation of Oromo diaspora identity. *African Identities*, 22(3), 700-713. <https://doi.org/10.1080/14725843.2022.2108372>

References:

- Ahmed, G., & Jaipal-Jamani, K. (2026). South Asian immigrant women's cultural hybridization in Canada: A postcolonial feminist intersectional framework. *Journal of Ethnic and Cultural Studies*, 13(4), 1-29. <https://doi.org/10.66815/ejecs/2633>
- Aizencang-Kane, P. (2024). Digital diaspora: A new conceptual dimension. *Revista Mexicana de Ciencias Políticas y Sociales*, 69(252), 211-226. <https://doi.org/10.22201/fcpys.2448492xe.2024.252.88773>
- Anderson, B. (1983). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. Verso.
- Ansar, A., & Khaled, A. F. M. (2023). In search of a Rohingya digital diaspora: Virtual togetherness, collective identities and political mobilization. *Humanities and Social Sciences Communications*, 10, Article 61. <https://doi.org/10.1057/s41599-023-01553-w>
- Ansar, A., & Maitra, J. (2024). Digital diaspora activism at the margins: Unfolding Rohingya diaspora interactions on Facebook (2017-2022). *Social Media + Society*, 10(1). <https://doi.org/10.1177/20563051241228603>
- Arutyunov, S. A. (2000). Diaspora - eto protsess [Diaspora is a process]. *Etnograficheskoe obozrenie*, (2), 74-78. (In Russian)

- Avdashkin, A. A. (2015). Fenomen diaspor: metodologicheskie osnovy nauchnogo issledovaniya [The phenomenon of diaspora: Methodological foundations of scientific research]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2(357), 130-137. (In Russian)
- Bauman, Z. (2001). Identity in the globalising world. *Social Anthropology*, 9(2), 121-129. <https://doi.org/10.1017/S096402820100009X>
- Bedrik, A. V., & Voitenko, V. P. (2024). Istoricheskie diaspor i konsolidatsiya polietnicheskogo sotsiuma Yuga Rossii [Historical diasporas and consolidation of the multiethnic society of Southern Russia]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, 11(4), 639-643. (In Russian)
- Berry, J. W. (1997). Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology*, 46(1), 5-34. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x>
- Bhabha, H. K. (1994). *The location of culture*. Routledge.
- Brinkerhoff, J. M. (2009). *Digital diasporas: Identity and transnational engagement*. Cambridge University Press.
- Brubaker, R. (2005). The “diaspora” diaspora. *Ethnic and Racial Studies*, 28(1), 1-19. <https://doi.org/10.1080/0141987042000289997>
- Candidatu, L., & Ponzanesi, S. (2022). Digital diasporas: Staying with the trouble. *Communication, Culture & Critique*, 15(2), 261-268. <https://doi.org/10.1093/ccc/tcac010>
- Chen, Y., Tian, H., & Chang, J. (2021). Chinese first, woman second: Social media and the cultural identity of female immigrants. *Asian Journal of Women's Studies*, 27(1), 22-45. <https://doi.org/10.1080/12259276.2021.1873575>
- Channoufi, M. (2026). Performing identity online: A community on the digital frontier. *National Identities*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1080/14608944.2026.2646267>
- Clifford, J. (1994). Diasporas. *Cultural Anthropology*, 9(3), 302-338. <https://doi.org/10.1525/can.1994.9.3.02a00040>
- Cohen, R. (2008). *Global diasporas: An introduction* (2nd ed.). Routledge.
- Diminescu, D. (2008). The connected migrant: An epistemological manifesto. *Social Science Information*, 47(4), 565-579. <https://doi.org/10.1177/0539018408096447>
- Erikson, E. H. (1959). *Identity and the life cycle*. International Universities Press.
- Fumagalli, M. (2021). “Identity through difference”: Liminal diasporism and generational change among the Koryo saram in Bishkek, Kyrgyzstan. *European Journal of Korean Studies*, 20(2), 37-72.
- Giddens, A. (1991). *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. Polity Press.
- Glick Schiller, N., Basch, L., & Blanc-Szanton, C. (1992). Towards a transnationalization of migration: Race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered. *The Annals of the New York Academy of Sciences*, 645(1), 1-24. <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.1992.tb33484.x>
- Hall, S. (1990). Cultural identity and diaspora. In J. Rutherford (Ed.), *Identity: Community, culture, difference* (pp. 222-237). Lawrence & Wishart.
- Kalra, V. S., Kaur, R., & Hutnyk, J. (2005). *Diaspora and hybridity*. SAGE.
- Kebede, K. (2026). Navigating hyphenated identities: Stages of identity formation among second-generation Ethiopian Americans. *Journal of Ethnic and Cultural Studies*, 13(4), 255-279. <https://doi.org/10.66815/ejecs/2805>
- Kianpour, M., Triandafyllidou, A., Allen, T., Mazrouei, S., & Shams, M. (2026). Social media narratives, diasporic identity and collective memory: A critical synthesis of the literature. *Ethnicities*, 26(1), 36-62. <https://doi.org/10.1177/14687968251386072>
- Kim, G. N. (2012). Minjok, jongjok, diaseuporai jauiuisik [National, ethnic, and diasporic self-awareness]. *Journal of Siberian Studies*, 16(1), 81-105. (In Korean)
- Kim, H. (2026). Culture and identity: Exploring agency and communion in the bicultural narratives of Korean American youth. *Journal of Ethnic and Cultural Studies*, 13(4), 431-451. <https://doi.org/10.66815/ejecs/2628>

- Lee, J. (2023). Why do diasporas re-emigrate to their historical “homelands”? A case study of Koryo Saram’s “return” from post-Soviet Uzbekistan to South Korea. *Journal of the Asia-Japan Research Institute of Ritsumeikan University*, 5, 51-75.
- Leurs, K. (2022). Commentary: Digital diaspora as a travelling concept. *Journal of Global Diaspora & Media*, 3(1), 139-147. https://doi.org/10.1386/gdm_00029_1
- Leurs, K. (2023). *Digital migration*. SAGE.
- Leurs, K., & Seuferling, P. (2022). Migration and the deep time of media infrastructures. *Communication, Culture & Critique*, 15(2), 290-297. <https://doi.org/10.1093/ccc/tcac019>
- Levitt, P., & Glick Schiller, N. (2004). Conceptualizing simultaneity: A transnational social field perspective on society. *International Migration Review*, 38(3), 1002-1039. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00227.x>
- Makrygianni, V., Kamal, A., Rossi, L., & Galis, V. (2022). Migrant digital space: Building an incomplete map to navigate public online migration. In M. Sandberg, L. Rossi, V. Galis, & M. B. Jørgensen (Eds.), *Research methodologies and ethical challenges in digital migration studies* (pp. 25-51). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-030-81226-3_2
- Mead, G. H. (1910). Social consciousness and the consciousness of meaning. *Psychological Bulletin*, 7(12), 397-405. <https://doi.org/10.1037/h0074293>
- Mitchell, K. (1997). Different diasporas and the hype of hybridity. *Environment and Planning D: Society and Space*, 15(5), 533-553. <https://doi.org/10.1068/d150533>
- Oldac, Y. I., & Fancourt, N. (2021). “New Wave Turks”: Turkish graduates of German universities and the Turkish diaspora in Germany. *British Journal of Educational Studies*, 69(5), 621-640. <https://doi.org/10.1080/00071005.2021.1935708>
- Oltmann, S. M., & Espinoza-Vasquez, F. (2024). How social media affordances mediate the digital diaspora: Latinx perspectives. *The International Journal of Information, Diversity, & Inclusion*, 8(2), 7-28. <https://doi.org/10.33137/ijidi.v8i2.42878>
- Park, S., & Gerrits, L. (2021). How migrants manifest their transnational identity through online social networks: Comparative findings from a case of Koreans in Germany. *Comparative Migration Studies*, 9, Article 10. <https://doi.org/10.1186/s40878-020-00218-w>
- Ponzanesi, S. (2020). Digital diasporas: Postcoloniality, media and affect. *Interventions*, 22(8), 977-993. <https://doi.org/10.1080/1369801X.2020.1718537>
- Ponzanesi, S., & Leurs, K. (2022). Digital migration practices and the everyday. *Communication, Culture & Critique*, 15(2), 103-121. <https://doi.org/10.1093/ccc/tcac016>
- Pun, B. L.-F., Ko, J., Fung, A. Y. H., & Leung, C. K. (2025). News, networks, and nostalgia: Examining the role of Hong Kong media and diaspora communities in identity preservation and integration. *International Journal of Intercultural Relations*, 108, 102254. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2025.102254>
- Smith, K. E. I., & Leavy, P. (Eds.). (2008). *Hybrid identities: Theoretical and empirical examinations*. Brill.
- Timoshkin, D. O., Pchelkina, D. S., Samarin, A. S., Khvorostov, V. V., & Taminin, R. V. (2023). Sotsial'nye media kak mekhanizm formirovaniya i vosproizvodstva migratsionnykh strategii: na primere tsifrovyykh ploshchadok russkoyazychnykh migrantov v Koree [Social media as a mechanism for forming and reproducing migration strategies: The case of digital platforms of Russian-speaking migrants in Korea]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 29(2), 25-50. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.2.2> (In Russian)
- Ullah, A. A. K. M. (2025). Struggles for identity formation: Second-generation South Asian diaspora overseas. *South Asian Diaspora*, 17(2), 199-214. <https://doi.org/10.1080/19438192.2024.2328465>
- Vertovec, S. (2009). *Transnationalism*. Routledge.
- Vertovec, S. (2023). *Superdiversity: Migration and social complexity*. Routledge.
- Walsh, J. P., & Hill, D. (2023). Social media, migration and the platformization of moral panic: Evidence from Canada. *Convergence*, 29(3), 690-712. <https://doi.org/10.1177/13548565221137002>